

Час Быка, вторая четверть. Луна скрылась за густыми облаками.

Во Дворце Дамин, где уже давно действовал комендантский час, всюду горели огни. Сяо Юй стоял в Зале правительственных совещаний, расположенном в самом сердце дворца, а рядом с ним — регент Сяо И, уже облаченный в драконий халат.

Даже те сановники, чьи дома находились дальше всего, еще на закате получили известие от двора: император этой ночью объявит об отречении и передаст трон регенту.

Сяо Юй не отрываясь смотрел на министров, которые, облаченные в праздничные наряды, вереницей входили в зал.

Четыре года назад, ранним утром, на этом же самом месте он, будучи еще юношей, принимал поздравления придворных, став новым владыкой Великой Шан.

Теперь, вновь оказавшись в той же ситуации, Сяо Юй не мог описать, что творилось у него на душе. Спутанные мысли напоминали паутину: тронешь одну нить — и всё свяжется в тугой узел.

Он вспомнил своего отца. Первую половину жизни император Цинли был одержим одной женщиной, вторую — пребывал в заточении под пятой клики влиятельных евнухов. Его жизнь, казавшаяся со стороны легкомысленной и свободной, на самом деле была лишь бегством от осознания собственной беспомощности и фиктивности своей власти.

В то время юный Сяо Юй, глядя, как отец день и ночь играет на цитре и слагает стихи, не вникая в государственные дела, поклялся, что никогда не станет таким императором.

— О чем задумался мой племянник? — заметив странное выражение лица Сяо Юя, спросил Сяо И.

— Я думал о том, как прекрасен Дворец Дамин этой ночью, — невозмутимо ответил Сяо Юй.

— Вот оно что. У племянника и впрямь тонкий вкус. Впрочем, государственные дела столь обременяют, что раньше у тебя не было времени насладиться красотой этого дворца. Станешь Почетным императором — и сможешь гулять, сколько душе угодно, — в голосе Сяо И проступило нескрываемое возбуждение.

— О? Значит, будучи Почетным императором, можно свободно путешествовать? А я-то думал, дядя собирается запереть меня во Дворце Чунхуа до конца моих дней.

Сяо И, чьи истинные помыслы были вскрыты, умолк и перевел взгляд на выстроившихся сановников.

На рассвете ударил первый колокол, возвещающий об отречении императора. Торжественный, тяжелый звук отозвался эхом над безмолвным Дворцом Дамин.

После третьего удара церемониймейстер должен был огласить покаянный указ императора.

Сяо Юй поднял голову. Небо начинало светлеть, глубокая синева бледнела, словно на восточном небосклоне разошлась кровавая рана.

В рассветный час Шанцзина на стражу обрушился плотный ливень стрел. Особые наконечники легко пробивали не самые прочные щиты стражников, и их предсмертные крики утонули в грохоте копыт Ляобэйской железной конницы.

Ци Цзюнь, мчавшийся впереди, не помнил, скольких преграждавших путь стражников он зарубил своей саблей.

Когда-то он проливал кровь на северных рубежах, чтобы защитить этих людей. Теперь же он шел на убийство, чтобы спасти одного человека.

Прогредел третий удар колокола, и тысяча легких кавалеристов, ворвавшихся вместе с ним во дворец, выбила ворота перед Залом правительственных совещаний.

Обычные солдаты, оставленные охранять дворец, оказались бессильны перед мощью Ляобэйской железной конницы. В мгновение ока площадь залило кровью, повсюду валялись изувеченные тела.

Придворные, охваченные паникой, метались, словно стадо, пытаясь бежать из этого земного ада. Но всадники молча обнажили сабли и, не нападая, принялись загонять сановников на площадку перед залом, словно пастушьи псы, сбивающие овец в кучу.

Сяо Юй понял, что победил, даже когда загнанный в угол Сяо И приставил меч к его горлу.

— Убери их! — взревел Сяо И, срываясь на визг.

Ци Цзюнь не погиб, он вернулся.

Мечта Сяо И о троне, которую он лелеял больше десяти лет, в этот миг рассыпалась в прах.

— Брось меч, — холодно произронил Ци Цзюнь.

— Дай мне уйти живым, и я оставлю его в живых! — Сяо И надавил на меч, и алая кровь окрасила белоснежную шею Сяо Юя.

— Всем сложить оружие! — Ци Цзюнь сделал знак, и позади тотчас послышался лязг падающих клинков и копий.

Сам же он выхватил из-за спины стрелу и натянул тетиву до предела. Это требовало нечеловеческой мощи, каждый мускул на торсе Ци Цзюня напрягся.

— Племянник, не подумай, что я хочу твоей смерти. Посмотри на того, кто стоит перед тобой! Это он заставил меня убить тебя! — видя, что Ци Цзюнь не намерен опускать лук, Сяо И перед лицом смерти окончательно потерял рассудок.

Он, мнивший себя великим героем, сейчас выглядел жалким, хуже подстреленного медведя, корчащегося под ногами охотника.

В тот самый миг, когда он занес руку, чтобы перерезать горло Сяо Юю, Ци Цзюнь воспользовался шансом и отпустил тетиву.

Стрела сорвалась с места, словно дикий конь, сбросивший узду. Ци Цзюнь идеально рассчитал расстояние между ними. В мгновение ока стрела, скользнув по щеке Сяо Юя и срезав прядь его волос, вонзилась прямо в правый глаз регента.

Сяо Юй воспользовался заминкой и выхватил спрятанный в рукаве Чисяо. Он не владел фехтованием, но сумел с решимостью обрушить клинок на шею Сяо И.

В тот момент, когда голова регента покатилась по земле, силы окончательно покинули Ци Цзюня. Лук выпал из его рук, и от удара о каменные плиты пошла трещина.

Он был тяжело ранен, лицо его заливала кровь, черты лица стали почти неразличимы. Солнце уже взошло, но ему казалось, что перед глазами идет бесконечный ледяной дождь.

Успел. Он успел.

— Ваше Величество, этот слуга... опоздал на помощь...

Тело Ци Цзюня накренилось, и он рухнул с коня.

Круговорот судьбы. И снова всё повторилось.

Сяо Юю показалось, что перед храпящим боевым конем Ци Цзюня возникли два призрачных силуэта.

Мать, крепко обнимавшая его в детстве, приняла на себя удар меча, которым отец пытался

пронзить их обоих.

— Мать уходит вместо тебя, ты должен жить, — прошептала она.

Эмоции, сдерживаемые долгие годы, хлынули наружу.

Прежде чем окончательно потерять сознание, Ци Цзюнь услышал, как Сяо Юй в отчаянии выкрикивает его имя.

Пятого числа третьего месяца четвертого года правления Тяньци Сяо Юй издал указ о казни премьер-министра Ван Шэнчжи и его сына Ван Исюаня через линчи за измену, а также приказал истребить три колена рода Ван.

На этом смута, порожденная засильем евнухов в эпоху Тяньци, подошла к концу.

Ци Цзюнь всегда умудрялся пропускать самые важные события: в прошлый раз, когда умер его отец, он пропустил оскорбления, которыми осыпали его сановники, в этот раз — финал своего противника.

Во Дворце Чунхуа на полу валялись шелковые одеяла, испачканные кровью Ци Цзюня. Он лежал на императорской кровати, крепко спал под присмотром Сяо Юя, который не смыкал глаз вот уже трое суток — с того самого дня, как Ци Цзюнь упал с лошади.

Даже когда многочисленные лекари твердили, что раны Ци Цзюня хоть и глубоки, но не смертельны, а обморок вызван лишь крайним истощением, и советовали Его Величеству поберечь себя, Сяо Юй будто не слышал их.

Он каждый день лично поил Ци Цзюня лекарством. Но не зная, что тот с детства терпеть не мог горечь и предпочитал сладкое, всякий раз сталкивался с тем, что Ци Цзюнь не хотел глотать отвар. После нескольких попыток лекарство неизменно оказывалось на руках императора.

Будучи императором, он мог бы приказать доставить Ци Цзюня в поместье маркиза в лучшей карете, щедро наградить его драгоценностями в знак милости и признания заслуг, но не сделал этого.

Стоило ему подумать о том, чтобы отправить Ци Цзюня прочь, как на сердце становилось невыносимо тяжело, словно в него вбивались иглы.

Этот «блестящий» выстрел Ци Цзюня напомнил ему слишком многих, кого он не хотел вспоминать.

Что ж, всё сплелось воедино: и ненависть, и любовь.

— Генерал Ци, если будете тайно тосковать по мне, то быстро наживете себе неприятностей, — вспомнив, как краснел Ци Цзюнь, вполголоса произнес Сяо Юй.

Ци Цзюнь по-прежнему не открывал глаз, лишь вздрогнул, когда прохладные кончики пальцев Сяо Юя коснулись его шеи.

Пользуясь тем, что тот спит, Сяо Юй внимательно разглядывал его лицо. У Ци Цзюня были правильные черты, будто у него на лбу было написано: я никогда не пойду на подлость, и лишь в изгибе бровей читалось упрямство человека, готового идти напролом до конца.

— Ваше Величество, только что пришла служанка из Зала Чжуннин и сообщила, что госпожа Императрица скончалась, — почтительно доложил евнух.

— Императрица? — Сяо Юй нахмурился. Он на мгновение растерялся и лишь потом вспомнил о Ван Илю.

Отец насильно отправил Ван Илю в гарем, и, если не считать дня их свадьбы, когда они виделись мельком, они жили так, будто были чужими людьми.

— Подыщите приличное место и похороните её, — равнодушно ответил Сяо Юй. То, что он не позволил бросить тело Императрицы на съедение зверям, как сделали с остальными из рода Ван, было его последней милостью.

Его не тронула смерть Ван Илю, он даже не знал, что перед уходом она выпустила на волю свою любимую птицу, которую вырастила еще птенцом.

Некоторые люди — птицы в клетке, стоит открыть дверцу, и перед ними открывается небо. Но она была птицей, вышитой на роскошной ширме: красивой, но навеки скованной золотыми нитями, всю жизнь прожившей не по своей воле и не имевшей шанса на побег.

Этой ночью Ци Цзюнь всё еще не подавал признаков пробуждения. Сяо Юю стало скучно, и он начал крутить в руках флейту. С того самого банкета, когда регент использовал флейту, чтобы унижить его, он не прикасался к инструменту. Теперь же поднес её к губам.

Увы, из-за смятения в душе мелодия не клеилась — звучали лишь жалобные, прерывистые звуки, похожие на карканье вороны.